

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Шадурского Владимира Вячеславовича
на тему «Рецепция русской литературы XV–XIX веков
в творчестве М.А. Алданова» на соискание ученой степени доктора
филологических наук по специальности 5.9.1
Русская литература и литературы народов Российской Федерации

По утвердившемуся и вряд ли несправедливому мнению, литература русского зарубежья неотделима от предшествующей традиции, в сохранении и творческом усвоении которой писатели эмиграции видели свою особую миссию. Тем актуальнее представляется тема диссертации, в которой рецепция русской классики, даже шире – русской литературы пяти столетий, в творчестве одного из популярнейших литераторов эмиграции раскрывается на оригинальном материале.

Основные положения, выносимые на защиту, сформулированы во введении и полностью соответствуют содержанию и проблематике основной части, состоящей из четырех глав. Полученные в результате исследовательской работы результаты отражены в итоговых выводах.

Диссертационное сочинение В.В. Шадурского впечатляет объемом собранного материала, что потребовало внимательного вдумчивого прочтения огромного литературно-публицистического наследия М.А. Алданова. Диссертант опирается на опубликованные сочинения Марка Александровича Алданова, привлекает их к рассмотрению во всем их жанровом многообразии, от писем и рецензий до публицистических очерков и многотомных романских серий. Во введении особо оговорена опора на архивные источники; диссертант обратился к алдановскому фонду в Доме-музее Марины Цветаевой. Некоторые представления о периодике русского зарубежья как о недоступной выглядят отчасти устаревшими, как, например, отсылка к статье в газете «Сегодня» более чем двадцатилетней давности (с. 11): газета хранится в ГАРФе, полностью отсканирована в Латвийской национальной библиотеке и, несмотря на определенные ограничения, доступна онлайн. На пороге уже вторая четверть XXI века, цифровизация безраздельно завладела миром, и признаваться: «...выходят ли научные публикации об Алданове на Западе, мы до сих пор не знаем», – по меньшей мере опрометчиво. Есть ресурс academia.edu, каталоги всех крупнейших библиотек мира доступны онлайн, а как осталась неизвестной диссертанту алдановедческая монография Жервез

Тассис* – вообще загадка, книга есть в московских книгохранилищах. О более ранних западных откликах на творчество М.А. Алданова, прежде всего в связи с его выдвижением на Нобелевскую премию, см. в нашей монографии «Русские писатели в зеркале Нобелевской премии» (М., 2017), судя по всему, также оставшейся диссертанту неизвестной.

В первой главе «Проблемы изучения рецепции русской литературы XV–XIX веков в прозе М.А. Алданова» раскрываются теоретические основы исследования. Диссертант излагает свое понимание литературной рецепции, стремясь определить ее своеобразие в литературе русской эмиграции. Обширной этой теме посвящены многочисленные исследования; с сожалением надо констатировать, что, вводя понятие «алдановский интертекст», автор диссертации не обнаруживает знакомство с важнейшими публикациями, обращенными к творчеству И.А. Бунина, И.С. Шмелева, Г.И. Газданова, В.В. Набокова, – возможно, понимание того, как происходят их творческие диалоги с русской классикой, способствовало бы освобождению исследовательской мысли диссертанта от давящего его авторитета алдановской личности.

Диссертант отважно решился подвергнуть русскую литературу рассмотрению сквозь призму восприятия и интерпретации Марка Алданова. Но почему именно этот писатель был выбран на роль зеркала русской литературы? Ни выдающимся писателем, ни выдающимся мыслителем Алданов, безусловно, не был. Плодовитый романист, популярный в эмиграции, всесторонне охарактеризован еще Д.П. Святополк-Мирским как «национальный писатель эмиграции буржуазной», «среднекультурной и антантофильской», «умный и добросовестный». Из этой вполне верной характеристики с очевидностью проистекает, что Алданов на роль магического кристалла для русской литературы не годится. Но именно через его творчество, через его литературное наследие в широком смысле раскрывается отношение эмиграции к национальному культурному наследию, к тому, как оно ревизуется, что отвергается, а что безусловно принимается.

Далее следовало бы оценить три собственно аналитические главы. Сразу заметим, что избранный диссертантом «историко-хронологический» подход не представляется нам бесспорным. Перед диссертантом стояла

* Tassis G. L'oeuvre romanesque de Mark Aldanov: Revolution, histoire, hasard. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris: Peter Lang, 1995. 503 p. Далее в основном тексте диссертации упомянуты статьи швейцарской исследовательницы (она, впрочем, именуется исследователем) о рецепции Алдановым Достоевского, вышедшие по-русски в отечественных научных сборниках.

исследовательская альтернатива: рассматривать творчество Алданова в его развитии через призму рецепции русской классики – или рассматривать русскую классику, вернее, историю русской литературы и общественной мысли через отражения в произведениях изучаемого писателя. Автор избрал второй путь и построил свое диссертационное исследование по «портретному» историко-литературному типу.

В таком подходе кроется один очень существенный подвох: к каждому из рассматриваемых в диссертации «русских классиков» Алданов мог обращаться в разные периоды своей жизни и творчества; надо ли уточнять, что дебютирующий в русской эмигрантской литературе в 1920-е гг. писатель и переведенный на несколько десятков языков Алданов послевоенного времени – это разные личности, и в литературном, и в житейском смысле. Поэтому в каждой «именной» главе автор диссертации вынужден проходить один и тот же исследовательский цикл, рассматривая и ранние, и зрелые, и поздние произведения писателя. Каждая глава становится монографическим мини-исследованием, посвященным только одному «классику». Очевидно, что целостному пониманию алдановской рецепции русской литературы такое решение не способствует.

Поскольку автор решил пойти по хронологическому историко-литературному пути, следующая глава в его диссертации, вторая глава в ее структуре, посвящена рецепции личности и трудов Нила Сорского. Рассматривать автора «Устава скитской жизни» в одном ряду с русскими писателями XVIII–XIX вв. – весьма смелое решение. Но это решение выглядит тем более неожиданно, что для анализа избрана поздняя повесть М.А. Алданова «Бред» (1954–1956; действие происходит в 1953 г.; в диссертации «Бред» жанрово определен как роман). Конечно, в таком парадоксальном соединении церковных текстов средневекового русского автора и последнего остросовременного произведения писателя XX в. есть известная исследовательская ирония, но научная логика подобного структурно-композиционного решения от нас ускользает. Диссертант утверждает в первой главе, что мировоззрение Алданова обусловлено неверием, что не могло не повлиять на его отношение к русской литературе. Три десятилетия, вместившие Вторую мировую войну и новую эмиграцию, Алданов двигался к воплощению образа человека верующего, для чего и обратился к средневековому религиозному автору, – а потому не странно ли начинать рассмотрение его литературного наследия с конца? Возможно,

вопрос дискуссионный, но нам представляется, что если Алданов обратился к Нилу Сорскому на закате своей жизни, то и логика рассмотрения его рецепции русской словесной культуры требует отнесения главы о Ниле Сорском в самый конец аналитической части диссертационного сочинения. Однако наше предложение действительно, только если главное в исследовании – не построение истории русской литературы через призму восприятия Марка Алданова, а его творческая личность и ее формирование под воздействием русской литературы, освоения, усвоения и полемики с ней.

Смущают и те источники, по которым цитируются сочинения и Марка Алданова, и Нила Сорского. Диссертант сопоставляет текст Алданова, где приведена цитата из Нила Сорского, и сам цитируемый отрывок из третьего отдела Устава Нила Сорского «О памяти смертной и Страшном суде»: если второй по умолчанию цитируется по изданию 1912 г. (оппонент не специалист по древнерусской литературе и истории русской религиозной мысли и не готов судить, насколько это издание авторитетно), то Алданов цитируется по публикации: Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе / подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 12. С. 166. Трудно сказать – неверное ли чтение публикатора виной (почерк Марка Алданова исключительно неразборчив) или неточная передача диссертанта, но вот пример из двух сопоставляемых отрывков: «яко сѣнь мимо грядеть» (1912) / «яко синь мимогрядет» (1996). И если как раз слитное написание «мимогрядет» верно, то неведомая, хотя и поэтичная «синь» сводит на нет все проведенное сопоставление. Текст Алданова следовало бы проверить *de visu*, прежде чем делать суждения о верности цитирования. Никак нельзя согласиться и с оценкой диссертантом повести «Бред»: «...лежащий в подтексте романа Алданова пласт церковной истории, связанный с учением Нила Сорского, оказывается не раскрытым» (с. 82). Но разве Алданов ставил своей целью в «Бреде» написать историю русской церковной жизни XV века?

Вторая глава «*Доклассическая* литература в творчестве М.А. Алданова» (неужели такой термин уже введен?) посвящена не текстам, но людям – протопопу Аввакуму и ярчайшим представителям осмнадцатого столетия М.В. Ломоносову, А.Н. Радищеву, Н.И. Новикову и Г.Р. Державину. Как видим, на три века отечественной словесности (XV–XVII) приходится только две, хотя и ярчайшие личности. Диссертант, впрочем, оговаривает, что Алданов избирательно относился к русской литературе и ее представителям,

но все же приписывать несколько веков к хронологическим рамкам в названии не стоило.

Цитирование сочинений писателей XVII–XVIII вв. Алдановым не выходит за рамки клишированных знаний («ино еще побредем», «шекснинска стерлядь» и под.) Гораздо важнее, что эти «личности и <их> поступки вызвали интеллектуальную реакцию писателя» (с. 117). Диссертант чрезвычайно скрупулезно собрал все появления упомянутых лиц в прозе и публицистике Алданова, причем результат получился несколько неожиданный. Оказывается, что для либерального мыслителя, каковым представлен Марк Алданов, не было общей, внеполитической свободы – свободы для всякой личности и всякого мыслиеизъявления. Так, протопоп Аввакум – в глазах Алданова предшественник Ленина, православный Лютер – «тормозил» ход истории и тем вызвал резкое неприятие Алданова; напротив, «писатели-интеллектуалы А.Н. Радищев и Н.И. Новиков, оказавшиеся в опале за инакомыслие, могли привлечь Алданова-эмигранта своим бунтарским характером, сформированными либеральными ценностями» (с. 119). К сожалению, «образ-персонаж» Державина рассмотрен несколько бессистемно, хотя выявленное путем цитат отношение к нему Алданова весьма красноречиво и становится выразительнейшей характеристикой его самого (с. 130–132). Все упомянутые Алдановым личности (а они не только и не столько писатели) держатся в его художественных текстах на заезженных штампах, известных трюизмах XIX века в отношении к предшествующему столетию. Однако для ориентированного на массового читателя Марка Алданова это закономерно: такой читатель должен получить знакомое, раз и навсегда усвоенное, и писатель не обманывает его ожидания («на вот, возьми скорей»; речь идет об образах, а не об идеях).

Отметим здесь, что Алданов чаще всего цитируется по собр. соч. 1994–1994 гг. в 6 томах, и цитируется совершенно некритично. Так, в одну небольшую цитату (с. 133), где упомянуты Державин, Жуковский и Крылов, вкралась и ошибка в державинском стихе («Гряди, Алкид, на гидру зверску», а не «гляди», как в тексте; речь идет о Суворове), и во французской орфографии (в слове бастард). Все же в научном тексте принято оговаривать ошибки цитируемого источника. К тому же явно не стоит каждую цитату сопровождать подстрочным повторением: Собр. соч., указ. соч. – достаточно один раз оговорить, к какому изданию делаются отсылки, и в скобках после

цитаты указывать том и страницу; даже если цитируемых изданий несколько, их легко упорядочить в систему (например, добавив в скобках год).

Третья глава «Литература первой половины XIX века в восприятии М.А. Алданова» касается творчества Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя – и право, для репутации Марка Алданова было бы лучше, если бы диссертант эту главу опустил. Однако собранный в ней материал – один из интереснейших в диссертации в целом, настолько собственная личность Марка Александровича откровенно раскрывается через рецепцию гениев русской словесности, главным образом через непонимание и/или неприятие их образной системы. Диссертант неизменно уважительно пишет о своем герое, каждое его утверждение, ремарку, замечание старается обернуть в его пользу. Но цитаты – упрямая вещь. Исследовательски исчерпывающе собрав их, диссертант помимо воли разоблачает Алданова, раскрывает его кухню, которую стоило бы держать накрепко закрытой. Обратившись, кстати, к эпистолярному общению Алданова с Буниным и Набоковым, диссертант только усугубляет создающееся впечатление контраста живой традиции, какие бы формы она ни принимала, и рационалистического, порой крайне прагматичного восприятия литературы, механического усвоения приема. Именно эта глава со всей полнотой раскрывает, насколько сконструированным писателем был Марк Алданов, вычерчивая свои романы буквально по лекалу. Особенно это касается его историко-географических комментариев к Пушкину ли, к Лермонтову ли, которые опровергаются самой поэзией (порой и географией тоже). Невосприимчивость к образу, лежащему в основе и пушкинской поэзии, и гоголевской прозы (а также, о чем речь далее, прозы тургеневской), оказывается характернейшей чертой писательской личности Марка Алданова и делает понятным, почему ему так удавались публицистические сочинения, очерковая, а не художественная проза. Но подобные выводы, вероятно, представляются диссертанту слишком радикальными, для него значимы все литературно-критические суждения его героя.

За что действительно следовало бы упрекнуть диссертанта – это его доверчивость: он всецело доверяет не только познаниям Алданова (которые, впрочем, стоило бы иногда подвергать сомнению), но и некритично передает суждения изучаемого писателя о литературе и литераторах. Порой отсутствие дистанции между дискурсом исследования и алдановским дискурсом приводит в смущение, в частности, в раскрытии алдановских трактовок «Горя

от ума» или «Тараса Бульбы» или в признании за истину сетований писателя (из осторожности вложенных в уста персонажей), почему нельзя говорить правду о «плохих стихах хороших поэтов» (хорошие поэты – это Пушкин и Лермонтов). Ср., например, такой пассаж: «Алданов-критик не боится указать на промахи Пушкина в тех или иных вещах, и потому автор “Капитанской дочки” не становится примером в создании литературных произведений, но его гений, труд, личность, масштаб жизни заслуживают глубочайшего уважения. При всех указаниях на неточности и даже ошибки мы видим трезвую оценку личности и творчества, сочетающуюся с почтительным отношением к поэту» (с. 173). Или (об алдановском герое Вите): «Ревность юноши, доведенного до отчаяния, преодолевается не в пример пушкинской» (с. 182).

При таком объемном, разнообразном материале ожидаешь более критического подхода к нему. Совсем непонятно, к чему исследователю осторожничать, разбирая «исторический» комментарий к «Полтаве», приписываемый Алдановым его персонажам (с. 184). Комментарий подобного рода унижает поэзию начетничеством, тем скучнейшим гелертерством, которое отвращает от поэзии школяров и вызывает жалость и иронию у ее ценителей, и исследователю следовало бы дистанцироваться от подобной «рецепции». То же касается восторга диссертанта от подмеченного Алдановым лишь «отдаленного сходства» «Горных вершин» с немецким оригиналом. Знание писателем немецкого языка, конечно, похвально, но диссертанту стоило бы откорректировать его тезис о лермонтовском шедевре. Вряд ли на этих страницах уместно останавливаться на проблеме поэтического перевода (в предыдущей главе муссируются и сетования Алданова о недоступности пушкинской поэзии иностранцам), в отечественной традиции есть ряд блистательных сопоставлений оригиналов с переводами. Но от научного исследования ожидаешь именно стремления к установлению истины, а не солидаризации с ее деформацией или неверной трактовкой.

И здесь уместно указать на главный недостаток исследования: искажение перспективы. Мы никоим образом не стремимся умалить достоинства Алданова-писателя, его вклад в русскую литературу не подлежит сомнению, но его рецепция русской классики нуждается в научно-критическом осмыслении, а не в апологетике. Иначе можно достичь противоположной цели – утверждая ценность и значимость оценок Алданова, не подвергая их критическому анализу, продемонстрировать его регулярную

художественную близорукость и ограниченность. Не приводим здесь конкретных высказываний и даже не указываем страниц, так как их можно обнаружить в каждой главе, буквально на каждой странице. Все-таки измерять Пушкина или Достоевского мерой Алданова во всяком случае опрометчиво; задача исследователя не просто собрать и систематизировать образцы алдановской рецепции, но и делать критические выводы из нее – историко-культурные, историософские, общественно-политические, эмигрантологические и т.д.

Четвертая глава «Литература второй половины XIX века: комментарии и интерпретации М.А. Алданова» раскрывает писателя с его лучшей стороны. Начиная с раздела, несколько утраченного названного «Слово и дело А.И. Герцена», совершается переход от поэтической, сугубо чуждой Марку Алданову образности, к истории идей, вообще к истории, и сразу писатель, а вслед за ним и исследователь его творчества обретают свободу мысли и выражения. Правда, исследователь и здесь никак не может решиться на критику или хотя бы аналитику, находясь в арьергарде «истории революционных идей», все-таки давно требующей ревизии. Алданов находится в плену застарелых «передовых» взглядов – настолько застарелых, что он продолжает упорствовать в их пропаганде, даже будучи изгнанным из страны революцией. Диссертант строит эту главу на двух писательских парах, воспринимаемых и интерпретируемых Алдановым с противоположным знаком – Тургенев и Герцен, Достоевский и Толстой.

Замечательно, что предшественники диссертанта безапелляционно судили Алданова, прямо называя его трактовки ложными и фальшивыми (с. 264). Пожалуй, дистанцированность – это вновь то, чего не хватает и этой, наиболее проработанной, хорошо аргументированной и богато проиллюстрированной главе. Выскажем и еще одну претензию к этому монументальному труду: редко когда автор разбираемого исследования указывает год создания того или иного произведения Алданова, о котором ведет речь; кстати, достаточно было бы сделать небольшой библиографический список в качестве приложения, разместив цитируемые сочинения писателя в хронологическом порядке, чтобы читатель понимал, в какое историческое время и на каком этапе творческой активности Марка Алданова происходит его обращение к тому или иному литературному тексту или к писательской личности. Но вот, например, публицистическая книга «Армагеддон» 1918 года рассматривается в ряде глав, хотя, вероятно,

отражение русской классики на страницах одной из первых книг Алданова гораздо больше выиграло бы от ее целостного рассмотрения в выбранном аспекте, а не от распыления ее фрагментов по «именным» главам, посвященным отдельным писателям. И если уж говорить об этих писателях, то диссертанту следовало бы быть точнее и в историко-биографическом аспекте, и в хронологии их творчества (чтобы Достоевский не оказывался «младшим современником» Тургенева, с. 250, а трактат «Освобождение Толстого», предшествовавший «Темным аллеям» и написанный почти за два десятка лет до кончины писателя, не создавался Буниным «перед уходом из жизни», с. 283, и под., вплоть до объединения Тургенева и Герцена определением «писатели-изгнанники», с. 261).

Заслуживает самой высокой оценки та полнота, с которой диссертант представил «толстовский» цикл литературно-критических работ М.А. Алданова, подробно разобрав их основные идеи и наблюдения. Однако остается не раскрытым на материале алдановских текстов тезис о соединении в его творчестве эпоса Толстого с драматизмом Достоевского. Вероятно, на этом пути должен был явиться небывалый писатель. Но поскольку он не явился, хотя бы минимальный анализ поэтики произведений Алданова, созданных через контаминацию двух типов величайшего литературного мастерства, следовало бы предложить в разговоре об интертексте изучаемого писателя. Особо отметим главу о Чехове, содержательно насыщенную, где алдановская рецепция Чехова представлена на широком фоне общеэмигрантской литературной чеховианы; диссертант выстраивает чеховский интертекст алдановской прозы и через чеховские фильтры разбирает драматургические опыты Алданова, его попытки состояться в создании киносценариев.

Удалось ли исследование в целом? На этот вопрос следует ответить безусловно утвердительно. Рассмотрев многотомное и многослойное творчество Марка Алданова, замечательного беллетриста, убежденного либерала, хорошо образованного, начитанного, высококультурного литератора, диссертант, конечно, не переписал историю русской литературы по-алдановски. Но мировоззрение и творчество М.А. Алданова в их неразрывной связи раскрыто по-новому через осмысление ключевых фигур и ключевых текстов отечественной словесности, с глубоким пониманием личности и сочинений одного из видных представителей русского зарубежья. В сущности, проведенное исследование обращено к осмыслению

интеллектуально-культурной парадигмы либерально мыслящей, образованной части русской эмиграции в ее отношении к литературному наследию. В этом, пожалуй, и состоит главная ценность проведенного исследования.

Диссертационное исследование Шадурского Владимира Вячеславовича «Рецепция русской литературы XV–XIX веков в творчестве М.А. Алданова» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной проблемы по рецепции русской литературы в творчестве писателя русского зарубежья, имеющей важное значение для литературоведения.

Диссертация полностью соответствует требованиям, изложенным в пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года в действующей редакции, а ее автор Владимир Вячеславович Шадурский заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 — Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук,
(специальность 10.01.01. – Русская литература),
заведующая отделом культуры российского зарубежья,
ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья
им. А. Солженицына»

Т.В. Марченко

«18» сентября 2025 г.

Контактные данные:

Марченко Татьяна Вячеславовна

Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы
«Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына»,

Отдел культуры российского зарубежья

Почтовый адрес:

109240, город Москва, Нижняя Радищевская улица, д. 2

Тел. +7 (495) 137-83-87

e-mail: domimsolzhenitsina@culture.mos.ru; сайт: <https://www.domrz.ru/>

10
18.09.2025